

В. Г. Белинский

**Сочинения Александра
Пушкина. Статья
одиннадцатая и...**

Виссарион Белинский

**Сочинения Александра Пушкина.
Статья одиннадцатая и последняя**

«Public Domain»

1846

Белинский В. Г.

Сочинения Александра Пушкина. Статья одиннадцатая и последняя / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1846

Постепенно статьи о Пушкине переросли ранее намеченные рамки. Поэтому весной 1846 года, оставляя «Отечественные записки», Белинский должен был в последней (одиннадцатой) статье обозреть все оставшиеся неразобранными произведения Пушкина, среди которых были такие шедевры, как «Медный всадник», маленькие трагедии, «Пиковая дама», «Капитанская дочка». Естественно, что Белинский должен был ограничиться беглыми и краткими замечаниями о названных произведениях. Заканчивая свой труд, Белинский подчеркивал, что задача определения исторического и художественного значения поэта ни в коем случае не может считаться уже решенной. Пушкин принадлежит к вечно юным и развивающимся в сознании последующих поколений гениям. Каждое из них будет выносить свое суждение о поэте, и никогда это суждение не будет окончательным и исчерпывающим. Пушкин для Белинского был символом высокой талантливости русского народа.

Содержание

«Домик в Коломне». – «Родословная моего героя» (Отрывок из сатирической поэмы). – «Медный Всадник». – «Голуб». – «Египетские ночи». – «Анджело». – «Сцена из Фауста». – «Пир во время чумы». – «Моцарт и Сальери». – «Скупой рыцарь». – «Русалка». – «Каменный гость». – «Сцена из рыцарских времен». – Сказки: «О царе Салтане»; «О мертвой царевне и о семи богатырях»; «О золотом петушке»; «О рыбаке и рыбке»; «О купце Кузьме Остолопе и о работнике его Балде». – Повести: «Арап Петра Великого»; «Повести Белкина»; «Пиковая дама»; «Капитанская дочка»; «Дубровский». – «Летопись села Горохина». – «Кирджали». – «История Пугачевского бунта». – Журнальные статьи. – Заключение. { 1 }	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9
Комментарии	

Виссарион Белинский

Сочинения Александра Пушкина.

Статья одиннадцатая и последняя

Санкт-Петербург. Одиннадцать томов 1838–1841 г.

«Домик в Коломне». – «Родословная моего героя» (Отрывок из сатирической поэмы). – «Медный Всадник». – «Голуб». – «Египетские ночи». – «Анджело». – «Сцена из Фауста». – «Пир во время чумы». – «Моцарт и Сальери». – «Скупой рыцарь». – «Русалка». – «Каменный гость». – «Сцена из рыцарских времен». – Сказки: «О царе Салтане»; «О мертвой царевне и о семи богатырях»; «О золотом петушке»; «О рыбаке и рыбке»; «О купце Кузьме Остолопе и о работнике его Балде». – Повести: «Арап Петра Великого»; «Повести Белкина»; «Пиковая дама»; «Капитанская дочка»; «Дубровский». – «Летопись села Горохина». – «Кирджали». – «История Пугачевского бунта». – Журнальные статьи. – Заключение.^[1]

При разборе остальных сочинений Пушкина, о которых нами не было еще говорено, мы несколько отступим от того хронологического порядка, в каком появлялись в свет эти сочинения, чтобы, окончив с поэмами, драматические произведения обозреть вместе.

«Домик в Коломне» – игрушка, сделанная рукою великого мастера.^[2] Несмотря на видимую незначительность ее со стороны содержания, эта шуточная повесть тем не менее отличается большими достоинствами со стороны формы. Остроты, шутки, рассказ, в одно время и легкий и занимательный, местами проблески чувства, на всем какой-то особенный колорит и, наконец, превосходный стих – все это тотчас же обличает великого мастера. Когда нечаянно попадаетесь вам под руку эта, теперь уже столь старая пьеса, и взор ваш небрежно падает на первую попавшуюся строфу или стих, – все равно, с начала это или с середины, но только вы, незаметно для самого себя, непременно прочтете до конца, и на душе вашей от этого чтения останется впечатление легкое, но невыразимо сладостное, хотя бы вы уже сто раз читали и перечитывали эту пьесу прежде. Многих удивит подобное мнение, но «Домик в Коломне» мы считаем одним из замечательных произведений, в котором, под легкую, небрежную форму и при видимой незначительности содержания, скрыто много искусства. Эта пьеса доказывает ту простую истину, что жизнь, лишь бы искусство верно воспроизводило ее, всегда высоко для нас занимательна и что люди, ищущие в произведениях искусства только эффектных сюжетов, не понимают ни жизни, ни искусства. Поэтические произведения так же имеют свой колорит, как и произведения живописи, и если колорит в картинах ценится так высоко, что иногда

только он один и составляет все их достоинство, то так же точно колорит должен цениться и в поэтических произведениях. Правда, он меньше всего доступен большинству читателей, которые, по обыкновению, прежде всего хватаются за содержание, за мысль, мимо формы, и потому часто дюжинные произведения принимаются ими за великие, а великие – за дюжинные. Мы уверены, что есть много читателей, которым «Домик в Коломне» очень нравится, но которые тем не менее считают его только миленькою, но очень ничтожною вещью. Так всегда судит большинство!

«Родословная моего героя», названная отрывком из сатирической повести, вместе с «Графом Нулиным» и «Домиком в Коломне», составляет тип особенного рода поэм, которые так любит новая «натуральная» школа нашей литературы, пошедшая, как известно, не от Карамзина и Дмитриева, а от Пушкина и Гоголя. Это по преимуществу поэмы нашего времени, потому что их больше других любят в наше время. И немудрено: в них поэт не прячется за своими героями или за событием, но прямо от своего лица обращается к читателю с теми вопросами, которые равно интересны и для самого поэта, и для читателя. В поэмах этого рода даже важное и патетическое само по себе выказывается с оттенком иронии, юмористически, и иногда тем сильнее действует на читателя, чем небрежнее говорит поэт.

Нельзя сказать положительно, хотел ли Пушкин написать целую поэму и почему-нибудь остановился на начале; но нет никакого сомнения, что отрывок «Родословная моего героя», во всяком случае, представляет собою нечто целое, потому что выражает мысль совершенно полную и определенную. Судя по словам автора, отрывок этот можно принять за сатиру на людей, которые потому только не уважают знатности породы, что сами не могут похвалиться ею (по крайней мере Пушкин тут ясно дает чувствовать, что он не понимает другой возможности равнодушия к гербам и пергаментам); но, всмотревшись ближе в его произведение, нельзя не увидеть, что это очень острая сатира, написанная поэтом на самого себя. С неподражаемым остроумием шутит *поэт* над предками своего героя, излагая его генеалогию:

Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим,
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской.
Но снова шел под тяжкий гнев
И умер, Сицких пересев.

Этот намек на местничество, составлявшее *point d'honneur*¹ нашей боярщины, блещет истинно вольтеровским остроумием, которое, конечно, не возбудит в читателе особенного уважения к «родословным», но вслед же за тем ирония поэта бросается совсем в противоположную сторону:

Но извините, статья может,
Читатель, вам я досадил;
Ваш ум дух века просветил,
Вас спесь дворянская не гложет.
И нужды нет вам никакой
До вашей книги родовой.

Кто б ни был ваш родоначальник.

¹ Сущность понятий о чести. – *Ред.*

Мстислав, князь Курбский иль Ермак,
Или Митюшка целовальник, —
Вам все равно. Конечно так:
Вы презираете отцами,
Их славой, честью, правами. —
Великодушно и умно.

Вы отреклись от них давно
Прямого просвещения ради,
Гордясь (как общей пользы друг)
Красою «собственных заслуг»,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.

Эти мысли изумительны своею наивностью, достойною тех времен, когда Варлаама Езерского за споры то с тем, то с другим с бесчестьем выводили из-за царского стола!.. Из чего хлопчет поэт? Против чего восстает он? — Против того, чего сам не мог не осмелеть... Что за упрек такой. «Вас *спесь* дворянская не гложет»? Неужто *спесь* дворянская или мещанская есть добродетель, а не порок — признак грубости нравов и невежества?.. Вам все равно, кто бы ни был ваш родоначальник — князь или целовальник Митюшка?.. Гордиться происхождением от князя так же смешно, как и стыдиться происхождения от целовальника, потому что как в первом случае заслуга, так во втором — преступление — суть чистейшая случайность. Не происхождение, а жизнь приносит человеку честь или бесчестье. Иначе Сусанин или Минин были бы низкими людьми в сравнении со всяким глупеньким и пошленьким князьком, каких довольно бывает на белом свете между князьями, достойными всякого уважения по их личным достоинствам. Поэт обвиняет родословных людей нашего времени в том, что они презирают своими отцами, их славой, правами и честью: упрек столько же ограниченный, сколько и неосновательный! Если человек не чванится тем, что происходит по прямой линии от какого-нибудь великого человека, неужели это непременно значит, что он презирает своего великого предка, его славу, его великие дела? Кажется, тут следствие выведено совсем произвольно. Презирать предков, когда они и ничего не сделали хорошего, смешно и глупо, — можно не уважать их, если не за что уважать, но в то же время и не презирать, если не за что презирать. Где нет места уважению, там не всегда есть место презрению: уважается хорошее, презирается дурное; но отсутствие хорошего не всегда предполагает присутствие дурного, и наоборот. Еще смешнее гордиться чужим величием или стыдиться чужой низости. Первая мысль превосходно объяснена в превосходной басне Крылова: «Гуси»; вторая ясна сама по себе. Известно, что целовальники (в древности — присяжные чиновники) не отличались особенною честностью, не отличаются и ныне, как продавцы вина в питейных домах; но, если сын целовальника по своей натуре оказался неспособным к званию своего отца, и вместо того, чтоб обмеривать в кабаке пьяных мужиков, прожил век свой, пожалуй, не великим, даже не даровитым, а просто честным человеком, — скажите: зачем ему стыдиться, что он сын своего отца?.. Притом же мы нисколько не спорим, что Тамерлан был большой аристократ, — по крайней мере при его жизни в этом никто не смел усомниться под опасением быть посажену на кол; но прежде нежели сделался великим ханом, он был кузнецом, заплатившим за покражу овцы увечьем ноги. Так и всякий род начат был одним человеком незнатного происхождения, у которого в родне был не один сапожник или портной. Но все это истины немного пошлые потому именно, что они уж слишком истинны. Тем, невидимому, страннее, что великий поэт видел в них ложь, а во лжи —

истину. Но здесь в поэте сказался человек, не могший, назло себе, отрешиться от предрассудков, над которыми сам смеялся... Но далее —

Я сам, хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят,
Я мещанин, как вам известно,
И в *этом смысле* (в каком же?) демократ;
Но, каюсь: новой Ходаковской,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Названия некоторых произведений в издании 1841 года даны произвольно. В современных нам изданиях поэма «Галуб» названа более правильно «Тазит», по имени главного героя (сам Пушкин названия поэме не дал). «Сказка о попе и работнике его Балде» из цензурных соображений была переименована Жуковским в «Сказку о купце Кузьме Остолопе и о работнике его Балде» с соответствующими искажениями в тексте (опубл. в «Сыне отечества», 1840, т. II, кн. 1, стр. 5–10; в изд. 1841 г., т. IX). «Летопись села Горохина» – так напечатано в первой публикации после смерти Пушкина в «Современнике», 1837, т. VII, № 3, стр. 197–220; и в изд. 1841 г., т. X. Нужно: «История села Горюхина». «История Пугачевского бунта» – название дано Николаем I, у Пушкина было «История Пугачева».

2.

Поэма «Домик в Коломне» написана в знаменитую Болдинскую осень 1830 года.